

Товарный дефицит в годы перестройки в представлении красноярцев (по материалам эго-документов)

А.В. Сабенина

Сибирский Федеральный Университет, Гуманитарный институт, проспект Свободный 82а, Красноярск, Россия

ASabenina@sfu-kras.ru

<https://orcid.org/0009-0004-0186-9151>

Статья поступила 02.04.2026, принята 20.05.2026

В статье рассматривается проблема товарного дефицита в СССР в период перестройки (1985–1991) сквозь призму восприятия жителями города Красноярска. Обращение к данной теме обусловлено сохраняющимся интересом исторической науки к изучению повседневности позднесоветского общества, одним из главных маркеров которой являлся хронический недостаток товаров первой необходимости. Автор ставит задачу реконструировать реальную картину продовольственного и промышленного кризиса в региональном центре Сибири, опираясь на опыт очевидцев. Методологическую основу исследования составляет анализ источников личного происхождения. К работе привлечены мемуары красноярцев разных поколений и профессий (В.Д. Тутынина, М.П. Рейх, В.К. Чесноченко), письма читателей в редакцию газеты «Красноярский рабочий», а также эпистолярный дневник В.П. Астафьева. Использование эго-документов позволяет не только дополнить официальную статистику, но и проследить эмоциональный фон эпохи, увидеть, как экономические трудности преломлялись в сознании конкретных людей. Анализ источников демонстрирует, что повседневная жизнь красноярцев в исследуемый период характеризовалась острым дефицитом мяса, молока, сахара, картофеля, а также непродовольственных товаров (обуви, хозяйственного мыла). Введение талонной системы, призванной упорядочить распределение, не решило проблему, а лишь породило новые формы социального неблагополучия: гигантские очереди и спекуляцию. В выводах подчёркивается значительное расхождение между оптимистичными показателями государственной статистики потребления и суровой реальностью, зафиксированной в воспоминаниях и письмах современников. Статья вносит вклад в изучение истории повседневности сибирского региона в переломный исторический период.

Ключевые слова: перестройка; товарный дефицит; Красноярск; эго-документы; история повседневности.

Commodity shortages during the Perestroika years as perceived by Krasnoyarsk residents (based on ego-documents)

A.V. Sabenina

Siberian Federal University, Humanitarian Institute; 82a, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

ASabenina@sfu-kras.ru

<https://orcid.org/0009-0004-0186-9151>

Received 02.04.2026, accepted 20.05.2026

The article examines the problem of commodity shortages in the USSR during Perestroika (1985–1991) through the lens of perception by the residents of Krasnoyarsk. The relevance of this topic stems from the enduring interest of historical scholarship in the everyday life of late Soviet society, one of the key markers of which was the chronic shortage of essential goods. The research aims to reconstruct the actual picture of the food and industrial crisis in this regional center of Siberia, drawing on the experience of eyewitnesses. The methodological basis of the study is the analysis of sources of personal origin. The research draws on the memoirs of Krasnoyarsk residents from different generations and professions (V.D. Tutynin, M.P. Reikh, V.K. Chesnochenko), readers' letters to the editorial office of the newspaper "Krasnoyarsky Rabochy" as well as the epistolary diary of V.P. Astafiev. The use of ego-documents makes it possible not only to supplement official statistics but also to trace the emotional background of the era and to see how economic difficulties were refracted in the consciousness of specific individuals. The analysis of the sources demonstrates that the daily life of Krasnoyarsk residents during the period under study was characterized by acute shortages of meat, milk, sugar, potatoes, as well as non-food goods (footwear, laundry soap). The introduction of the ration coupon system, designed to streamline distribution, did not solve the problem but only gave rise to new forms of social malaise: huge queues and speculation. The conclusions emphasize a significant discrepancy between the optimistic indicators of state consumption statistics and the harsh reality recorded in the memories and letters of contemporaries. The article contributes to the study of the history of everyday life in the Siberian region during a critical historical period.

Keywords: Perestroika; commodity shortage; Krasnoyarsk; ego-documents; history of everyday life.

Введение. Хроническая нехватка товаров народного потребления и услуг, получившая название товарного дефицита, стала визитной карточкой советской эконо-

номики. Парадокс заключался в том, что у людей были деньги, которые они хотели и могли потратить, однако приобрести желаемое было невозможно, так как пред-

ложение постоянно отставало от спроса. Данное явление наблюдалось на всём протяжении существования СССР, различаясь лишь по интенсивности и затрагивая все сферы жизни. Оно по праву считается одной из самых серьёзных и трудноразрешимых проблем, порождённых командно-административной системой управления.

Постановка целей и задач. Целью данной статьи является реконструкция повседневного опыта жителей Красноярска в условиях товарного дефицита периода перестройки (1985–1991) и выявление особенностей восприятия продовольственного и промышленного кризиса населением регионального центра Сибири на основе анализа эго-документов.

Задачи исследования:

- определить номенклатуру и классифицировать группы товаров (продовольственные и непродовольственные), дефицит которых наиболее остро ощущался населением Красноярска в исследуемый период;
- выявить механизмы реализации талонной системы снабжения в Красноярске, оценить её эффективность и социальные последствия;
- охарактеризовать эмоционально-психологическое состояние горожан, их адаптационные стратегии и формы повседневного сопротивления дефициту.

Степень изученности темы. Тема дефицита получила широкое освещение в научной литературе, привлекая внимание представителей разных дисциплин от экономистов до историков и социологов.

Опираясь на статистические данные и результаты социологических опросов, авторы многочисленных исследований приходят к выводу, что к середине 1980-х годов советская экономика оказалась в состоянии системного кризиса. Его ключевыми проявлениями стали острый недостаток товаров, падение реальных доходов населения и увеличение числа безработных.

Исследовательница Е.А. Осокина, анализируя историю советского дефицита, выделяет несколько периодов его обострения. Кульминационные моменты, по её мнению, как правило, заставляли власти внедрять механизмы нормированного отпуска товаров: карточки или талоны [1]. Один из таких этапов пришёлся на перестроечное время (1985–1991). В тот период либерализация внешней торговли вкупе с активностью спекулятивных кооперативов и колоссальным ростом денежной массы, не подкреплённой товарами, привели к тому, что исчезновение затронуло практически любую востребованную продукцию [1].

Проблема экономических реформ второй половины 1980-х годов нашла отражение в публикации Т.А. Аминова и К.Н. Осинцевой. Авторы подчёркивают: «Экономические меры не привели к стабилизации, а усугубили товарный дефицит, инфляцию и социальную напряжённость» [2].

В работе А.О. Немцевой подробно рассматриваются особенности и специфика практик повседневной жизни советского человека в годы перестройки [3]. Особое внимание автор уделяет экономическому вопросу. Согласно выводам, экономические трудности данного периода наиболее остро проявились в потребительской сфере. Это в свою очередь, выразилось в формирова-

нии масштабного товарного дефицита, который не могли преодолеть даже крупные города.

При обращении к вопросу о предпосылках дефицита в эпоху перестройки важно учитывать позицию доктора исторических наук М.Н. Федченко. Учёный указывает на искусственный характер этого явления, порождённого гипертрофированной централизацией государственной торговой системы [4].

Сторонники данной точки зрения нередко опираются на статистику, согласно которой среднестатистическое потребление базовых продуктов (хлеб, сахар, масло, картофель) в 1990 году даже превышало рекомендованные нормы [5]. Потребление рыбы, молока и яиц, в свою очередь, находилось на уровне, близком к оптимальному [5].

Применим этот тезис к конкретному региону, взяв за основу данные по Красноярску. Согласно монографии «Иллюстрированная история Красноярья», в 1985 г. потребление продуктов на душу населения в городе составляло: 60 кг мяса, 306 кг молока, 103 кг овощей, 21 кг фруктов и ягод, 249 яиц [6], что коррелирует с общесоюзными нормативами [5].

Возникает предположение о серьёзном разрыве между официальной статистической картиной продовольственного обеспечения и той реальностью, с которой ежедневно сталкивалось население.

Разделяя точку зрения А.А. Гушина относительно проблем товарного дефицита, нельзя не согласиться с его выводами об осознании противоречий между официальной пропагандой и повседневной действительностью [7].

По мнению Г.А. Тимофеева, официальные данные Госкомстата СССР создавали лишь «иллюзию процветания», тогда как реальное экономическое положение определялось иными факторами, следствием чего стало резкое обострение дефицита и скрытая инфляция [8]. Как подчёркивает исследователь: «К концу исследуемого периода дефицит начал приобретать тотальный характер, причём ни власть, ни население не могли предугадать, какой товар исчезнет следующим» [8].

Значительный вклад в изучение проблемы внесли региональные исследования.

Так, на материалах Куйбышевской области Н.В. Разумов рассматривает вопрос влияния товарного дефицита на повседневную жизнь населения. Автор приходит к выводу о том, что «дефицит товаров народного потребления стал неотъемлемой частью социальной жизни советских граждан» [9].

На материалах Ростовской области проводит свое исследование Д.И. Бурлаков. Автор исследует состояние рынка региона в годы перестройки, отмечая, выраженный товарный дефицит и инфляцию с ростом цен [10].

Также стоит упомянуть работу А.В. Дмитриевского, который анализирует причины и социальные аспекты товарного дефицита в Донецкой области в годы перестройки [11].

До настоящего времени вне поля зрения исследователей оставался вопрос о специфике восприятия дефицита жителями сибирских городов, в частности Красноярска. Данное обстоятельство обусловило обращение к данной теме.

Методология исследования. В основе методологии исследования лежат принципы исторической науки: принцип историзма, принцип объективности, а также специально-исторический метод: сравнительно-исторический метод.

Принцип историзма подразумевает под собой рассмотрение явлений в их конкретных взаимосвязях и условиях, объективный взгляд на события и личности.

Принцип объективности даёт возможность проследить историю повседневной жизни красноярцев в условиях товарного дефицита. Принцип предполагает опору на содержание фактов, не искажая и не подстраивая их.

Сравнительно-исторический метод дал возможность проследить общие и локальные моменты в трансформации повседневной жизни красноярцев в перестроечный период в общероссийском масштабе и на территории Красноярска.

Источниковая база. Доказательной опорой служат источники личного происхождения (эго-документы), которые предоставляют возможность изучать исторические события в контексте воспоминаний отдельного человека.

Исследование опирается на три группы личных источников.

Первую группу образуют мемуары красноярцев, представляющих разные социальные и профессиональные страты: это воспоминания М.П. Рейх [12], В.Д. Тугунина [13] и В.К. Чесноченко [14]. При всей непохожести их авторов: по возрасту, мировоззрению, поли-

тическим пристрастиям и жизненному опыту – их объединяет территориальная привязка: все они проживали в Красноярске в эпоху перестройки.

Вторую группу источников составляют письма горожан в редакцию газеты «Красноярский рабочий» (1985–1991). Эта переписка отражает попытки обывателей воздействовать на ход общественных процессов либо заявить о проблемах, представлявших им социально значимыми.

Третья, особо ценная группа – эпистолярное наследие красноярского писателя В.П. Астафьева [15]. В работе задействовано полное собрание писем писателя за 1952–2001 гг., которое по сути представляет собой личный дневник в письмах, фиксирующий эволюцию взглядов художника на протяжении почти пяти десятилетий.

Обсуждение. Ключевым решением Пленума ЦК КПСС 1982 г. стало принятие продовольственной программы, нацеленной на повышение уровня жизни.

Документ определял конкретные параметры потребления продуктов питания, которые предполагалось достичь к 1990 г. В расчёте на одного человека в год эти показатели должны были составить: 70 кг по мясу, 19 кг по рыбе, 340 кг по молоку, 266 яиц, а также 135 кг овощей и 70 кг фруктов [16].

Проведём анализ потребления продуктов питания в СССР на душу населения за период с 1982 по 1990 годы, взяв за основу данные Центрального статистического управления СССР (ЦСУ СССР) [5] (табл. 1).

Таблица 1. Потребление продуктов питания в СССР на душу населения в 1982–1990 гг.

Год	Мясо	Рыба и рыбопродукты	Яйца, шт	Молоко	Масло животное и растительное	Картофель	Овощи и бахчевые	Сахар	Хлебные продукты	Фрукты и ягоды
1982	57	18,4	249	295	15	110	101	44,5	137	42
1983	58,4	17,7	253	309	16	110	101	44,2	136	44
1984	60,4	17,5	256	317	16	110	103	44,3	135	45
1985	62	18	260	325	16,1	104	102	42,2	133	41
1986	62	18,6	268	333	16,5	107	102	44	132	47
1987	64	18	272	341	17,2	106	100	47,2	132	44
1988	66	17,6	275	356	17,9	100	101	46,8	131	43
1989	67	17,2	268	363	18,1	100	95	42,5	129	41
1990	67	16,5	258	358	17,4	100	92	44,9	133	36

На фоне принятой в 1982 г. продовольственной программы наблюдается устойчивый рост потребления мяса – с 57 кг до 67 кг. Это самый высокий показатель за весь период, однако запланированный рубеж в 70 кг так и не был достигнут.

Потребление молока также неуклонно росло – с 295 до 363 кг, что даже превысило плановые ориентиры (340 кг) к 1989 г.

Потребление яиц достигло пика в 1988 г. (275 шт.), после чего начало снижаться.

В отличие от мясной группы, потребление ряда базовых продуктов во второй половине 1980-х годов пошло на спад, что косвенно свидетельствует о нарастании дефицита.

Рыба и рыбопродукты: после относительной стабильности (17–18 кг) к 1990 г. потребление упало до минимальных 16,5 кг.

Овощи и бахчевые: демонстрируют тревожную динамику, снизившись с 103 кг в 1984 г. до 92 кг в 1990 г. (самый низкий показатель за весь период).

Фрукты и ягоды: наблюдается резкий провал к 1990 г., всего 36 кг, что почти в два раза ниже целевого показателя продовольственной программы (70 кг).

Потребление хлебных продуктов (мука, хлеб, крупы) на протяжении всего периода оставалось высоким, но имело тенденцию к снижению (со 137 до 129 кг), что характерно для урбанизированного общества при переходе к более дорогим продуктам. Однако к 1990 г. показатель вновь немного вырос (до 133 кг), что может

указывать на вынужденное замещение мясных и рыбных продуктов хлебом в условиях дефицита.

Таким образом, несмотря на формальный рост потребления мяса и молока, к концу периода (1988–1990) наметились негативные тенденции: падение потребления рыбы, овощей и особенно фруктов.

Это создавало картину структурного перекоса: прилавки могли быть относительно наполнены (по официальной статистике), но ассортимент и доступность жизненно важной продукции (овощи, фрукты) ухудшались, что подтверждает тезис о нарастании скрытых проблем и дефицита товаров народного потребления.

Продовольственная программа задавала высокую планку потребления, но механизмы для достижения этих показателей так и не были выстроены.

К концу 1980-х годов разрыв между плановыми цифрами и реальным положением дел стал катастрофическим: товаров народного потребления не хватало

катастрофически, а дефицит из временного явления превратился в системную характеристику советской экономики.

Однако анализ абсолютных показателей потребления отдельных продуктов (в кг на душу населения) не даёт полного представления о реальной обеспеченности населения продовольствием. Различная пищевая ценность продуктов, их взаимозаменяемость и различия в структуре рациона требуют применения интегрального показателя – суточной калорийности питания. Обращение к данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) позволяет не только оценить общий уровень потребления в СССР, но и сопоставить его с показателями стран с принципиально иными моделями питания: США и Японии, что выявляет качественное своеобразие советской продовольственной системы на фоне мировых стандартов [5] (табл. 2).

Таблица 2. Потребление продуктов питания на 1 человека в день в 1990 году в СССР, Японии и США, ккал

Потребление	СССР	США	Япония
Зерновые	1253	1161	805
Картофель	183	80	93
Сахар	474	231	306
Бобовые, масличные, орехи	40	153	103
Масло растительное, всего	235	301	554
Овощи	53	76	71
Фрукты	52	52	119
Мясо и субпродукты, всего	390	177	466
Масло животное, сливки, сыр	178	13	38
Молоко и молокопродукты (исключая животное масло, сливки, сыр)	249	123	382
Яйца	57	75	51
Рыба, ракообразные, моллюски, рыбий жир	63	228	29
Другое (мед, кофе, какао, чай, специи)	13	29	26
Итого	3240	2787	3323

Таким образом, при формально высоком общем уровне калорийности питания в СССР (сопоставимом с японским и превосходящем американский) структура советского рациона носила несбалансированный и архаичный характер. Её основу составляли зерновые, картофель и сахар при острой нехватке овощей и фруктов. Парадоксальным образом, при высоком потреблении мяса и молочных жиров, СССР катастрофически отставал от США по потреблению рыбы, а от Японии по потреблению фруктов и растительных масел. Выявленные диспропорции подтверждают тезис о том, что количественные показатели потребления не отражают реального качества питания: советский человек потреблял достаточно калорий, но делал это за счёт ограниченного набора продуктов, дефицит которых, особенно в категории фруктов, овощей и рыбы, нарастал к концу 1980-х годов, усугубляя социально-экономический кризис.

В массовом сознании продовольственный дефицит был неким «периодом выживания» [17]. Эта тенденция прослеживается также и в воспоминаниях красноярцев перестроечного периода.

Характерное свидетельство остроты товарного дефицита в Красноярске конца 1980-х годов оставил в своих воспоминаниях марафонец В.Д. Тутынин, со-

стоявший в местном клубе любителей бега «Беркут». По его словам, приобретение продуктов и необходимых вещей было сопряжено с унижительными процедурами: их можно было достать либо по блату, либо путём различных ухищрений [13].

Воспоминания красноярской немки М.П. Рейх рисуют выразительную картину продовольственного кризиса конца перестройки. Так, 1988 г. запомнился ей тотальным отсутствием товаров в Красноярске [12]. Выживать семье помогала «продуктовая помощь» родственника из Ленинграда: брат регулярно доставлял в Сибирь дефицитные по тем временам продукты: мясные деликатесы, сыр, конфеты, мандарины, которых красноярцы, по её утверждению, «не видели» в обычных магазинах [12].

Схожую мысль о тяжёлом продовольственном положении красноярцев проводит в своей частной переписке В.П. Астафьев. Обращаясь к семье Черношкуро-вых в 1991 г., он отмечает, что подрастающее поколение лишено самого необходимого от продуктов первой необходимости до предметов одежды, не говоря уже о каких-либо деликатесах [15].

Одним из индикаторов обострения продовольственного кризиса в Красноярске стала региональная пресса периода перестройки. Газета «Красноярский рабочий»

регулярно выходила с «кричащими» заголовками: «Голод – не тётка...» [18], «Застой в наследство» [19], «Унылые маски дефицита» [20], которые отражали реальное положение дел.

Рубрика «Письма в газету» была переполнена обращениями читателей о нехватке продуктов, причём поток таких писем неуклонно возрастал. Настолько, что с середины 1988 г. в издании появилась отдельная рубрика «Продовольственная программа», целиком посвящённая проблеме товарного дефицита.

Письма красноярцев в газету «Красноярский рабочий» рисуют удручающую картину продовольственного снабжения в конце 1980-х годов. Главными дефицитными позициями, судя по частоте упоминаний, выступали картофель, сахар, хлеб, мясо и молоко.

Тональность обращений варьировалась от ироничной до откровенно отчаянной. Обычная картошка, по выражению одного из авторов, превратилась в редкость, подобную «свежим ананасам» [21]. Другой корреспондент констатировал исчезновение колбасы и мяса, отмечая, что в Красноярске положение ещё относительно терпимое по сравнению с периферией [22].

Особенно выразительны народные формулировки: «шаром покати» (о пустых прилавках) и «цыпленок по ночам снится» (о недоступности мяса) [23]. Ситуация усугублялась отсутствием даже базовых продуктов для домашнего приготовления. Например, дрожжей, без которых, как сетовала жительница Ленинского района, невозможно испечь хлеб [24].

Яркой иллюстрацией продовольственного кризиса в Красноярске стала «сахарная лихорадка» весны 1988 г. Когда сахар внезапно исчез из продажи. А пресса, в свою очередь, отреагировала яркими заголовками «Неуловимый сахар» [25] и «Сахарная лихорадка» [26].

Власти края попытались нормализовать ситуацию с помощью талонов (с 10 мая 1988 года норма составляла 1 кг в месяц на человека). Однако административное регулирование дало обратный эффект: возник сахарный «бум», очереди выросли, а процедура получения и отоваривания талонов оказалась сопряжена с многочисленными нарушениями.

Острый дефицит товаров дополнялся не менее острой проблемой падения качества той продукции, которая все же поступала в продажу. В письмах красноярцев фиксировалось ухудшение питания в детских учреждениях, а также крайне скудный ассортимент товаров на промышленных предприятиях. Встречались и претензии к конкретным продуктам. Так, один из авторов жаловался на «серые пельмени», в которых, по его словам, отсутствовали лук и перец, а мясо напоминало «отвратительную кашу» [27].

Негативные эмоции у красноярцев вызывали бесконечные очереди, вызванные применением талонной системы. Это можно понять по нескончаемому потоку писем в газету, где люди высказывали свои претензии по данному вопросу. Очень часто в письмах жителей можно встретить фразы: «огромные очереди», «большая, пре-большая очередь», «бесконечный поток людей» и т. п.

Наличие очередей и отсутствие товаров говорит о несовершенстве исполнения талонной системы.

Жительница Кировского района Е. Циммерман описывала типичную картину в магазине № 20: теснота, люди стоят «вплотную», при этом полки зачастую пустуют. Особое возмущение вызвала необходимость многократных визитов и двухчасового стояния в очередях [28].

Другой красноярец, наблюдая из окна рабочего кабинета за фирменным магазином «Бурёнка», отмечал, что очередь никогда не бывает короткой. Местный фольклор даже породил ироничный вопрос, которым встречные озадачивали друг друга: «Какой сегодня у буренки хвост?», – так горожане пытались оценить длину очереди, не выходя из дома [29].

Особого накала ситуация достигала у магазина «Колбасы» на улице Робеспьера. Согласно письмам читателей, очередь растягивалась вдоль всей улицы. Желающие попасть в число счастливиц занимали места затемно, в 4–5 часов утра, а общая численность выстроившихся в «живую цепочку» нередко превышала сотню человек [30].

Продовольственный кризис в Красноярске дополнялся острым дефицитом промышленных товаров. Особенно показательна ситуация, сложившаяся на обувном рынке в середине 1989 года. Один из горожан, посетив магазин «Обувь» на площади Революции, с недоумением констатировал полное отсутствие товара, несмотря на то, что обувные фабрики продолжали работать [31].

Не лучше обстояли дела и с товарами первой необходимости, в частности с хозяйственным мылом. Этот предмет личной гигиены оказался настолько дефицитным, что вплоть до середины 1991 года в Красноярске действовала талонная система на его приобретение.

Выводы. Проведённый анализ эго-документов позволяет заключить, что в восприятии жителей Красноярска товарный дефицит перестроечного периода являлся одной из наиболее острых повседневных проблем. На основе изученных источников можно систематизировать основные проявления этого кризиса.

Прежде всего, мемуары и письма красноярцев фиксируют хроническое отсутствие на прилавках базовых продуктов питания. В зоне особого дефицита стабильно находились картофель, сахар, хлеб, мясо и молочная продукция.

Второй важный аспект – неудовлетворительное качество той продукции, которая всё же поступала в продажу. В источниках содержатся многочисленные нарекания на товары, реализуемые в местной торговой сети.

Третья проблема проистекала из неэффективности талонной системы: вместо упорядочения распределения она порождала многочасовые очереди, существенно осложнявшие повседневную жизнь горожан.

Наконец, дефицит носил тотальный характер, распространяясь и на непродовольственную группу, особенно остро ощущалась нехватка обуви и средств личной гигиены.

Литература

- Осокина А.Е. В тисках товарного дефицита / А.Е. Осокина. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
- Аминов Т.А. НЭП и перестройка: сравнительный анализ двух эпох рыночной либерализации в СССР / Т.А. Аминов, К.Н. Осинцева // Перспективы развития науки в современном мире, 2025. № 1. С. 124–128.
- Немцева А.О. Особенности и специфика практик повседневной жизни советского человека в эпоху «перестройки» (1985–1991) / А.О. Немцева // Студенческое сообщество и современная наука, 2021. № 1. С. 179–184.
- Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991) / М.Н. Федченко. Курган: КГУ, 2009. 231 с.
- Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах / И.Г. Калабеков. Москва, 2020. 400 с.
- Иллюстрированная история Красноярья (1917–1991) / В.И. Фёдорова [и др.]. Красноярск: РАСТР, 2014. 264 с.
- Гущин А.А. Обострение проблемы товарного дефицита в СССР в 1960-х – начале 1980-х гг. в ракурсе истории повседневности / А.А. Гущин // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история, 2016. № 1. С. 252–258.
- Тимофеев Г.А. На переломе «перестройки»: экономика и общество СССР в 1989 году / Г.А. Тимофеев // Вестник Чувашиского университета. 2006. № 6. С. 102–108.
- Разумов Н.В. Проблема дефицита товаров народного потребления в городе Куйбышеве в период перестройки / Н.В. Разумов, М.И. Леонов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. № 3. С. 40–45.
- Бурлаков Д.И. Состояние потребительского рынка Ростовской области как индикатор экономического кризиса региона на рубеже 1980–1990-х гг. / Д.И. Бурлаков // Ветер Перестройки – 2021. 2022. № 1. С. 317–321.
- Дмитриевский А.В. Товарный дефицит и его проявления в Донецкой области в 1985–1991 гг.: некоторые причины и социальные аспекты / А.В. Дмитриевский // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура, 2019. № 1. С. 315–318.
- Рейх М.П. Мемуары Рейх Маргариты Петровны / М.П. Рейх. Красноярск: Литера-принт, 2014. 155 с.
- Тутынин В.Д. Это наша с тобой биография / В.Д. Тутынин. Красноярск: Гротеск, 2019. 142 с.
- Чесноченко В.К. А годы летят (мемуары) / В.К. Чесноченко. Красноярск: Кр. книж. изд-во, 2016. 180 с.
- Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / В.П. Астафьев. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 720 с.
- Ханов А.Р. Потребление основных продуктов питания в СССР и РФ / А.Р. Ханов // Sci-article. 2017. № 43. С. 14–21.
- Кушкова А.Н. Советское прошлое через воспоминания о продовольственном дефиците / А.Н. Кушкова // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 55–67.
- Голод не тётка // Красноярский рабочий (Красноярск). 1989. № 16. С. 3.
- Застой в наследство // Красноярский рабочий (Красноярск) 1989. № 23. С. 3.
- Унылые маски дефицита // Красноярский рабочий (Красноярск). 1989. № 44. С. 3.
- Письмо в редакцию // Красноярский рабочий (Красноярск). 1989. № 18. С. 4.
- Письмо в редакцию // Красноярский рабочий (Красноярск). 1990. № 4. С. 4.
- Письмо в редакцию // Красноярский рабочий (Красноярск). 1988. № 12. С. 4.
- Письмо в редакцию // Красноярский рабочий (Красноярск). 1989. № 52. С. 4.
- Неуловимый сахар // Красноярский рабочий (Красноярск). 1988. № 66. С. 2.
- Сахарная лихорадка // Красноярский рабочий (Красноярск). 1988. № 71. С. 2.
- Письмо в редакцию // Красноярский рабочий (Красноярск). 1990. № 31. С. 4.
- Письмо в редакцию // Красноярский рабочий (Красноярск). 1989. № 88. С. 4.
- Письмо в редакцию // Красноярский рабочий (Красноярск). 1989. № 45. С. 4.
- Письмо в редакцию // Красноярский рабочий (Красноярск). 1990. № 27. С. 4.
- Письмо в редакцию // Красноярский рабочий (Красноярск). 1990. № 61. С. 4.

References

- Osokina E.A. In the Grip of Commodity Shortage. Moscow: ROSSPEN, 2008. 351 p.
- Aminov T.A. NEP and Perestroika: A Comparative Analysis of Two Eras of Market Liberalization in the USSR / T.A. Aminov, K.N. Osintseva // Prospects for the Development of Science in the Modern World, 2025. No. 1. pp. 124–128.
- Nemceva A.O. Features and Specifics of the Everyday Life Practices of Soviet People in the Era of "Perestroika" (1985–1991) / A.O. Nemceva // Student Community and Modern Science, 2021. No. 1. pp. 179–184.
- Fedchenko M.N. Everyday Life of Soviet People (1945–1991). Kurgan: KSU, 2009. 231 p.
- Kalabekov I.G. The USSR and Countries of the World in Figures. Moscow, 2020. 400 p.
- Fedorova V.I. et al. Illustrated History of Krasnoyarsk Region (1917–1991). Krasnoyarsk: RASTR, 2014. 264 p.
- Gushchin A.A. The Escalation of the Commodity Shortage Problem in the USSR in the 1960s – Early 1980s from the Perspective of Everyday History // Problems of Humanitarian Education: Philology, Journalism, History, no. 1, 2016, pp. 252–258.
- Timofeev G.A. At the Turning Point of "Perestroika": The Economy and Society of the USSR in 1989 / G. A. Timofeev // Bulletin of the Chuvash University. 2006. No. 6. pp. 102–108.
- Razumov N.V. and M. I. Leonov. The Problem of Consumer Goods Shortage in the City of Kuibyshev during Perestroika // Vestnik of Samara University. History, Pedagogy, Philology, no. 3, 2022, pp. 40–45.
- Burlakov D.I. The State of the Consumer Market in the Rostov Region as an Indicator of the Regional Economic Crisis at the Turn of the 1980s–1990s // The Wind of Perestroika, no. 1, 2022, pp. 317–321.
- Dmitrievsky A.V. Commodity Shortage and Its Manifestations in the Donetsk Region in 1985–1991: Some Causes and Social Aspects // The Black Sea Region in the Context of Russian Civilization: History, Politics, Culture, no. 1, 2019, pp. 315–318.
- Reikh M.P. Memoirs of Margarita Petrovna Reikh. Krasnoyarsk: Litera-print, 2014. 155 p.
- Tutyinin V.D. This Is Our Biography. Krasnoyarsk: Grotesk, 2019. 142 p.
- Chesnochenko V.K. And the Years Fly By (Memoirs). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 2016. 180 p.
- Astafyev V.P. There Is No Answer for Me... Epistolary Diary 1952–2001. Irkutsk: Sapronov Publisher, 2009. 720 p.
- Khanov A.R. Consumption of Basic Food Products in the USSR and the Russian Federation / A.R. Khanov // Sci-article. 2017. No. 43. pp. 14–21.

17. Kushkova A.N. The Soviet Past through Memories of Food Shortage // *Neprikosnovenny Zapas*, no. 2, 2009, pp. 55–67.
18. Hunger Is No Auntie // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 16, 1989, p. 3.
19. Stagnation as an Inheritance // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 23, 1989, p. 3.
20. The Dismal Masks of Shortage // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 44, 1989, p. 3.
21. Letter to the Editor // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 18, 1989, p. 4.
22. Letter to the Editor // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 4, 1990, p. 4.
23. Letter to the Editor // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 12, 1988, p. 4.
24. Letter to the Editor // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 52, 1989, p. 4.
25. The Elusive Sugar // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 66, 1988, p. 2.
26. Sugar Fever // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 71, 1988, p. 2.
27. Letter to the Editor // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 31, 1990, p. 4.
28. Letter to the Editor // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 88, 1989, p. 4.
29. Letter to the Editor // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 45, 1989, p. 4.
30. Letter to the Editor // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 27, 1990, p. 4.
31. Letter to the Editor // *Krasnoyarsky Rabochy* (Krasnoyarsk), no. 61, 1990, p. 4.